

В. Лядов

**Критический обзор мнений
об убиении царевича Дмитрия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Лядов**
Критический обзор мнений: об убиении царевича Дмитрия / В. Лядов – М.:
Книга по Требованию, 2019. – 38 с.

ISBN 978-5-458-11796-8

Критический обзор мнений по поводу вопросов об убиении царевича Ди-
митрия и о личности первого самозванца.

ISBN 978-5-458-11796-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Онъ избралъ другое, которое привело къ тому же результату, но разлилось отъ перваго тѣмъ, что послѣ гибели Шуїскихъ никто не смѣлъ сказать что они погибли чрезъ Годунова. Средствомъ для достиженія цѣли послужилъ Борису ложный доносъ на Шуїскихъ, представленный однимъ изъ ихъ слугъ — Θεодоромъ Старымъ. Этотъ слуга явился во дворець и объявилъ, что Шуїскіе находятся въ заговорѣ съ купцами Московскими и думаютъ измѣнить царю. Шуїскіе тотчасъ же были схвачены. Былъ наряженъ судъ и дѣло кончилось тѣмъ, что главные члены этой фамилии погибли. Князь Андрей Ивановичъ, объявленный главнымъ преступникомъ, долженъ былъ отправиться въ Каргополь, Иванъ Петровичъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро, князь Василій Θεодоровичъ Скопинъ-Шуїскій лишился Каргопольскаго намѣстничества, но получилъ право остаться въ Москвѣ. Прочіе единомышленники князей Шуїскихъ были разосланы по дальнимъ городамъ.

Сломивъ Шуїскихъ, Годуновъ не могъ остаться покойнымъ: у него былъ еще противникъ, гораздо сильнѣйшій Шуїскихъ, митрополитъ Діонисій, по своему сану, имѣвшій огромное вліяніе на царя, и чрезъ то самое способный болѣе чѣмъ кто-нибудь повредить Годунову, и теперь, когда погибли Шуїскіе, между Діонисіемъ и Борисомъ должна была начаться борьба, въ которой, также какъ и во всѣхъ, суждено было Борису одержать верхъ. Митрополитъ Діонисій, свѣдавъ о гибели Шуїскихъ, которымъ всегда покровительствовалъ, не могъ остаться равнодушнымъ. Онъ явился предъ царемъ, представилъ всю незаконность суда, совершеннаго надъ Шуїскими, разоблачилъ всю гнусность клеветы, взведенной на нихъ,

по старанію Годунова, но этою правдою не только не улучшилъ участи страдальцевъ, но даже повредилъ сѣмому себѣ. Годуновъ ꙗспѣлъ оправдаться и вскорѣ митрополитъ Діонисій вмѣстѣ съ Крутицкимъ архіепискомъ Варлаамомъ были свергнуты съ престоловъ своихъ и заточены въ монастыри; на митрополичій же престолъ былъ поставленъ Ростовскій архіепископъ Іовъ, чловѣкъ, совершенно преданный Борису.

Трудна была для Бориса борьба съ врагами, но онъ одержалъ верхъ. Какое же вліяніе долженъ былъ произвести на душу Годунова этотъ успѣхъ? До-сихъ-перъ онъ сознавалъ свою силу, свое умственное превосходство надъ прочими боярами, изъ которыхъ многіе, можетъ быть, гордились одною только древностію своего рода; онъ понималъ, что по достоинству пользуется принадлежащею ему властію, и потому вступилъ за эту власть въ борьбу страшную, не предвѣщавшую успѣха. И теперь, когда онъ выдержалъ эту борьбу, смогъ одолѣть всѣ козни враговъ, то не долженъ ли былъ чрезъ то самое еще болѣе возвыситься въ собственныхъ глазахъ? И если онъ, прежде, только крѣпко стоялъ за свое достоинство, за ту власть, которою пользовался, то теперь, естественно, онъ не могъ остаться довольнымъ тѣмъ, что уже упрочилъ за собою; ему запала мысль пріобрѣсти большее — достигнуть престола Феодорова. Но, какъ прежде, для того, чтобы поддержать свое достоинство, онъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ боярами, такъ точно теперь, въ исполненіи своего намѣренія, онъ видѣлъ препятствіе въ царевичѣ Димитріѣ, борьба съ которымъ былъ гораздо труднѣе. Его не лзя было заключить въ темницу, подобно Шуйскимъ и другимъ вельможамъ; не лзя было также и оклеветать

предъ царемъ. Въ глазахъ народа онъ всегда остался бы законнымъ наследникомъ, и Борисъ не достигъ бы своей цѣли. Чтобы отстранить Димитрія отъ престола, для этого было только одно средство, средство ужасное—убіеніе его. Трудно было рѣшиться Борису на такое преступленіе, но еще труднѣе было разстаться съ мыслию о престолѣ. Желаніе верховной власти заглушило самое священное чувство въ душѣ честолюбца и царевичъ погибъ насильственной смертію.

Мы почитаемъ необходимымъ обратить болѣе подробное вниманіе на разсмотрѣніе этого дѣла, какъ для того, чтобы оправдать высказанное уже нами мнѣніе касательно главнаго виновника этого злодѣянія, такъ и для того, чтобы, по возможности, опровергнуть мнѣнія противоположныя нашему.

Тотчасъ по смерти Іоанна Васильевича Грознаго, царевичъ Димитрій, вмѣстѣ съ своею матерью и родственниками Нагими, былъ отправленъ въ Угличъ. Это удаленіе Димитрія не было дѣломъ одного только Бориса, а всѣхъ вельможъ, державшихъ сторону Θεодора. Такое мнѣніе подтверждается, во-первыхъ, тѣмъ, что Борисъ тогда не имѣлъ еще такой власти, чтобы могъ располагать участію державнаго отрока (*); а во-вторыхъ, — свидѣтельствомъ Авраамія Палицына, который прямо говоритъ, что Димитрій былъ удаленъ *всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ совѣтомъ*. Это свидѣтельство должно имѣть всю силу достовѣрности, если мы обратимъ вниманіе на то, что Авраамій, въ правленіе Годунова, подвергся опалѣ, и слѣдовательно имѣлъ болѣе причины обвинять его, чѣмъ защи-

---

(*) Первое мѣсто при царѣ занималъ Никита Романовичъ Юрьевъ

щать отъ насильственныхъ поступковъ, приписываемыхъ ему другими лѣтописцами.

Димитрій, возрастая въ Угличѣ, подъ руководствомъ матери и родственниковъ своихъ, недоброжелателей Бориса, разумѣется, былъ наитываемъ враждебнымъ духомъ какъ противъ Годунова, такъ и противъ всѣхъ его приверженцевъ. По крайней мѣрѣ, въ Москву доходили слухи, что Димитрій, еще младенецъ, обнаруживаетъ уже ненависть ко всѣмъ приверженцамъ Θεодора Иоанновича, въ особенности къ Годунову, и что своимъ поведеніемъ обѣщаетъ напомнить времена грознаго отца своего, какъ скоро овладѣтъ престоломъ. Были ли эти слухи достовѣрны или нѣтъ, во всякомъ случаѣ они были не радостны, особенно для тѣхъ вельможъ, по старанію коихъ Димитрій долженъ былъ оставить Москву и удалиться въ Угличъ. Они съ ужасомъ представляли себѣ то время, когда престолъ перейдетъ въ руки Димитрія. Съ мыслию объ этомъ они соединяли мысль объ опалахъ, казняхъ, ссылкахъ, которыми не замедлитъ наградить ихъ новый царь. Находясь подъ вліяніемъ грядущаго ужаса, очень понятно то, что они всячески старались погубить Димитрія, но, не рѣшаясь сами совершить злодѣйство, обратились къ Годунову, и изъ него сдѣлали орудіе исполненія своего намѣренія. Значитъ Годуновъ является въ дѣлѣ убіенія Димитрія только главнымъ участникомъ, а не единственнымъ виновникомъ; не одинъ Годуновъ, а всѣ сторонники Θεодора, удалившіе Димитрія въ Угличъ, должны были заботиться объ окончательномъ удаленіи его. Таково мнѣніе одного изъ историковъ XIX столѣтія. Мы, не смотря на всю очевидную основательность этого мнѣнія, не можемъ однакожь принять его за достаточную

причину, объясняющую злодѣйство Борисово, и какъ бы уменьшающую мѣру его. Неуже-ли Борисъ, такъ упорно боровшійся и успѣвшій пересилить всѣхъ своихъ враговъ, могъ въ послѣдствіи допустить ихъ воспользоваться собою, какъ орудіемъ къ совершенію такого злодѣянія? Неуже-ли Годуновъ, съумѣвшій преклонить на свою сторону Іоанна IV, царя грознаго и подозрительнаго, стать выше прочихъ сановниковъ при его преемникѣ, и наконецъ успѣвшій заставить цѣлый народъ дѣйствовать и думать о немъ такъ, какъ ему хотѣлось, неуже-ли этотъ самый Годуновъ могъ рѣшиться на такое злодѣяніе изъ одного только страха къ царевичу, еще младенцу, котораго онъ безъ всякаго труда могъ расположить въ свою пользу? Принявъ такое мнѣніе, мы, по необходимости, должны будемъ смотрѣть на Бориса совѣмъ иначе, нежели какъ представляетъ намъ его исторія. Мы должны будемъ отказать ему въ томъ гордомъ умѣ, который, разъ предположивъ какую-нибудь цѣль, постоянно, неослабно, не смотря ни на какія препятствія, стремится къ достиженію ея, и чрезъ это постоянство достигаетъ непремѣнно желаемаго. Справедливо ли будетъ такое мнѣніе? Не беззаконно ли будетъ видѣть въ человѣкѣ, который по умственнымъ качествамъ своимъ пріобрѣлъ неоспоримое право на вниманіе потомства, только хитреца и труса? Чѣмъ тогда объяснимъ мы тѣ дѣянія, которыя приписываетъ ему исторія?

Взявъ во вниманіе сказанное нами, мы необходимо приходимъ къ заключенію, что причина, побудившая Бориса къ совершенію убійства, должна быть болѣе важная, заключающаяся въ немъ самомъ, а именно — стремленіе овладѣть престоломъ. Этимъ только (по нашему мнѣнію)

можно объяснить преступленіе Бориса. Но есть ли Борисъ дѣйствительный убійца царевича Димитрія, или нѣтъ? Вотъ вопросъ, рѣшеніе котораго наводитъ каждого на многія сомнѣнія. Причиною этихъ сомнѣній служатъ разногласія, которыми проникнуты мнѣнія касательно этого предмета. Мы почитаемъ необходимымъ обратиться къ разсмотрѣнію высказанныхъ мнѣній, чтобы, по крайней мѣрѣ, объяснить эти разногласія, если совершенно уничтожить ихъ невозможно.

Наши лѣтописцы, единогласно признавая Бориса убійцею царевича Димитрія, повѣствуютъ объ этомъ кровавомъ событіи такимъ образомъ: Борисъ, замысливъ погубить царевича, старается отыскать людей, которые бы рѣшились совершить такое злодѣяніе. Послѣ долгихъ стараній, онъ, съ помощію окольного Андрея Клешиина, находитъ человѣка, вполне надежнаго — Михайла Битяговскаго; открываетъ ему свое намѣреніе и, обѣщая груды золота, успѣваетъ склонить на свою сторону. Битяговскій, сдѣланный казначеемъ вдовствующей царицы, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Даниломъ и племянниковъ Никитою Качаловымъ, отправляется въ Угличъ. Злодѣи думали сперва совершить убійство тайно, но этого достигнуть имъ было трудно потому, что Димитрій постоянно находился при матери, сердце которой, можетъ быть, уже предчувствовало скорую гибель своего дѣтища и обмануть которую было трудно. Видя такія препятствія, Битяговскій рѣшился на открытое злодѣйство. 15 Мая 1591 г. царица, возвратясь съ сыномъ изъ церкви, готовилась обѣдать; братьевъ ея не было дома, слуги носили кушанье. Въ эту минуту боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ. Царица думала идти съ ними же, но остановилась въ какомъ-то

несчастномъ раздумѣ. Кормилица, предчувствуя, можетъ быть, то зло, которое готовилось ея питомцу, удерживала его; но мамка силою вывела царевича на дворъ. Здѣсь явились: Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій и Никита Качаловъ. Первый, взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «государь! у тебя новое ожерелье». Младенецъ, поднявъ голову, отвѣчалъ: «нѣтъ, старое»... Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ; но едва онъ коснулся гортани и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ ужаса, кормилица обняла своего державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ; но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали и кинулись бѣжать, въ то самое мгновеніе, когда царица вышла на крыльцо...

Такъ рассказываютъ объ этомъ злодѣяніи наши лѣтописцы. Что касается свидѣтельствъ иноземныхъ, то всѣ современники (Шаерле, Беръ, Маржеретъ и др.) согласны съ нашими лѣтописцами въ главномъ, именно въ томъ, что Борисъ желалъ погубить Димитрія. Не смотря однакожь на то единогласіе, которымъ прошикнуто сказаніе объ этомъ дѣлѣ какъ нашихъ лѣтописцевъ, такъ и иноземныхъ писателей, мы находимъ возраженія, которыми думаютъ опровергнуть современные и уже по одному этому, достовѣрныя свидѣтельства.

Вотъ возраженія, которыми стараются заподозрить лѣтописное сказаніе о смерти царевича:

1. Спрашиваютъ: нужна ли была Годунову смерть царевича и видно ли было изъ прежнихъ его дѣйствій намѣреніе погубить несчастнаго сироту. Димитрій родился отъ седьмаго брака Іоаннова и, по тогдашнимъ понятіямъ, едва ли имѣлъ право на престолъ?

На этотъ вопросъ мы должны отвѣчать утвердительно: смерть Димитрія была нужна Борису. Димитрій назывался царевичемъ, все государство признавало его такимъ, начиная отъ царя-брата; имя его поминалось на ектеніяхъ, онъ имѣлъ удѣлъ, былъ окруженъ дворомъ царскимъ; его выставляли не только законнымъ наслѣдникомъ, но даже соперникомъ брата: наконецъ самое удаленіе его изъ Москвы показываетъ, какъ онъ былъ опасенъ.

2) Митрополитъ Діонисій, Шуійскіе и другіе сановники положили ударить челомъ царю, чтобы онъ развелся съ неплодною своею супругою. Значить, они не почитали Димитрія наслѣдникомъ Θεодора.

Противъ этого возраженія мы отвѣчаемъ слѣдующимъ: если Діонисій и Шуійскіе желали развода Θεодора съ Ириною, то совсѣмъ не потому, чтобы не признавали Димитрія законнымъ наслѣдникомъ, а единственно потому, что въ достиженіи своей цѣли они видѣли средство удалить отъ царя Бориса и также отнять престолъ у Димитрія, которому были враждебны.

Притомъ самъ Борисъ былъ убѣжденъ въ правахъ Димитрія. Это доказывается тѣмъ, что онъ для того, чтобы отклонить Діонисія отъ намѣренія, предположеннаго вмѣстѣ съ Шуійскими, главнымъ образомъ выставлялъ на видъ тѣ ссоры, кои непремѣнно произойдутъ между будущими сыновьями Θεодора и ихъ дядею Димитріемъ.

3) Возражаютъ: Борисъ не велѣлъ молиться о Димитріѣ и помищать его имени на литургіи, мысля тѣмъ объявить царевича незаконнорожденнымъ. Зачѣмъ было Борису прибѣгать къ этой лишней мѣрѣ, если онъ задумалъ убійство, — къ мѣрѣ, которая, ясно обнаруживая неприязнь

его къ Димитрію, навлекала на него неудовольствіе въ настоящемъ времени и оправдывало будущее сильное подозрѣніе въ предполагаемомъ убійствѣ?

Это возраженіе опровергается слѣдующимъ: Можно ли предполагать, что въ голову Бориса, вмѣстѣ съ желаніемъ устранить Димитрія отъ престола, пришла мысль объ устройствѣ его? Въ этомъ дѣлѣ Борисъ шелъ постепенно и рѣшился на убійство, какъ на средство самое крайнее, уже только тогда, когда всѣ прочія были истощены.

4) Задумавъ убійство, какъ Борисъ не удалилъ изъ Углича Нагихъ, своихъ зложелателей, какъ не избавился отъ кормилицы, преданной царицѣ? Но подобная мѣра не могла быть употреблена Борисомъ потому, что еслибы и не открыла его намѣренія, то все-же возбудила бы противъ него сильное подозрѣніе.

5) Наконецъ послѣднее возраженіе состоитъ въ слѣдующемъ:

Неуже-ли Борисъ, связанный тѣсными узами съ главою духовенства, привлекшій благодѣяніями на свою сторону весь народъ, сѣумѣвшій устроить дѣла такъ, что, по кончинѣ Θεодора, весь народъ умолялъ его о принятіи вѣнца, неуже-ли этотъ Борисъ могъ видѣть соперника въ отрокѣ, неимѣющемъ поддержки? Неуже-ли онъ не былъ увѣренъ, что народъ отвергнетъ царевича, если только патріархъ Іовъ, слуга Бориса, объявитъ его неимѣющимъ никакого права на престолъ, какъ рожденнаго отъ седьмага брака.

Положимъ, что Борисъ привлекъ на свою сторону патріарха, благодѣяніями пріобрѣлъ любовь народа; но вся эта сила Бориса не ручается за то, что народъ также

сталъ бы умолять его о принятіи престола, если бы царевичъ былъ живъ. Что этого не случилось бы, то это доказывается послѣдующими событіями. Стоило только явиться самозванцу, облеченному именемъ убитаго царевича, и народъ, забывъ всѣ благодѣянія Бориса, оставилъ его и самъ же сталъ стараться объ успѣхѣ Лжедмитрія.

Когда явился самозванецъ, то народъ былъ увлеченъ единственно именемъ царевича, и не повѣрилъ Юву, который публично обвинялъ его въ самозванствѣ. Какъ же можно думать, что этотъ народъ позволилъ бы увѣрить себя въ томъ, что царевичъ не имѣетъ права на престолъ. Все это понималъ Борисъ, и потому, желая во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли, не могъ оставить царевича въ-живыхъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, нужна ли была Борису смерть царевича, рѣшается утвердительно.

Кромѣ представленныхъ нами возраженій, которыми стараются оправдать Бориса, мы находимъ еще другія, которыя направлены противъ самага лѣтописнаго сказанія.

Наши лѣтописцы, повѣствуя о смерти Димитрія царевича и приписывая это дѣло Борису, говорятъ, что Борисъ, задумавъ извести царевича, обратился за совѣтомъ къ приближеннымъ къ нему людямъ (Гр. Вас. Годунова), и открылся не только имъ въ своемъ намѣреніи, но чрезъ нихъ и людямъ, совершенно неизвѣстнымъ ему, на которыхъ не могъ надѣяться, что они сохранятъ его намѣреніе въ тайнѣ (Загрѣзскій, Чепчеровъ, Бятеговскій, Валаховъ). Такое свидѣтельство не признаютъ достовѣрнымъ, и потому въ немъ видятъ оправданіе Бориса.

Какимъ образомъ, говорятъ, можно вѣрить тому, чтобы Борисъ, котораго цѣлая жизнь есть рядъ самыхъ тон-